

АННА КНЯЗЕВА

ПРОЩАЛЬНЫЙ
ПОЦЕЛУЙ ГРЕТЫ ГАРБО



МОСКВА
2022

ПРОЛОГ

Официант поставил на стол бутылку минеральной воды и три бокала с вином:

— Прошу...

Выждав несколько мгновений и не получив никакой реакции, он удалился.

— Продолжим нашу игру! — Мужчина в смокинге оглядел публику банкетного зала. — Зарядка для ума... Что может быть увлекательнее! Напоминаю наши правила: вы — команда, я задаю вопрос, и, если вы зайдете в тупик, я помогаю подсказкой. Чей теперь черед? — Он подошел к столику, за которым сидели три дамы в вечерних платьях. — Что за красавицы... Я шармирован, обескуражен и буквально готов на крайности!

— Ловлю на слове, — заметила яркая брюнетка в розовом шифоновом платье.

— Бесценная Марго, — мужчина склонился и поцеловал даме ручку, — для вас — особые предпочтения. Какой вопрос пожелаете? Сложный? Или все-таки в поддавки?

— Средний.

— Вам не откажешь в практичности.

— Благодарю... — Марго качнула головой.

— Прошу выбрать эпоху или, по крайней мере, столетие.

— Прошлый век... Предположим, пятидесятые годы.



— Область?
— Искусство.
— Точнее, пожалуйста. — Мужчина изысканно взмахнул кистью руки.

Марго уточнила:

— Кино.
— Ну, предположим... — задумавшись, он обхватил себя руками. — Голливудская киноактриса, по рождению — немка, Марлен Дитрих имела колоссальный успех в кино, не забывая скандализировать общество. В Париже ее могли арестовать за то, что она носила мужской костюм. В Монте-Карло ей было запрещено посещать казино. В Лондоне, из-за того, что Марлен Дитрих не скрывала своих лесбийских предпочтений, ей часто приходилось менять отели.

— Но где же вопрос?

— Вопрос заключается в следующем: на своих выступлениях между песнями Марлен Дитрих, по обыкновению, уходила за кулисы и делала пару глотков коньяка. Однажды, не рассчитав своих сил и, вероятно, выпив больше обычного, Марлен Дитрих споткнулась и упала в оркестровую яму. Вернувшись на сцену, она допела программу, после чего организаторы вызвали доктора, и тот диагностировал перелом плеча. В ответ на его удивление и вопрос, как же она смогла допеть концерт, Марлен Дитрих сказала... — Мужчина в смокинге заговорил несколько громче: — Так что же сказала Марлен Дитрих?

— Она сказала, что спиртное притупляет боль, — предположила сухая блондинка в голубом декольтированном платье, соседка Марго по столу.

— Близко, но не в точку, любезная Катерина.

— Да ну же, Григорий! Дайте подсказку.



— Хорошо... — Мужчина, названный Григорием, поправил очки и заговорил, обращаясь одновременно ко всем трем дамам, сидевшим за столом: — Как вы знаете, речь идет о середине прошлого столетия. И, если припомнить самое заметное событие того времени...

— Юрий Гагарин — полет в космос!

— Умоляю вас, дорогая... Не думаете же вы, что падение в оркестровую яму Марлен Дитрих сравнила с полетом на Луну?

— Почему бы нет... — Катерина пожалала обнаженным плечиком и сморщила нос.

— Должен заметить, что Юрий Алексеевич Гагарин полетел в космос несколько позже. — Ответив на явный вздор, Григорий не утратил любезности. — Уверен, вы знаете, что это произошло в апреле тысяча девятьсот шестьдесят первого года. И вот вам еще одна подсказка. Прославленный писатель Ремарк, боготворивший Марлен Дитрих, назвал ее стальной орхидеей — ведь ей пришлось многое пережить... Так как же Марлен Дитрих прокомментировала свою травму, полученную в результате падения? — Он обратился к третьей сидевшей за столом даме: — Лионелла, вам ли не знать?

Переведа на него скучающий взгляд, дама заметила:

— Это вызов?

— Я спросил для проформы. Не бойтесь ошибаться, неправильный ответ приблизит вас к правильному.

— С него и начну, — проронила она.

— Неужели? — преувеличенно удивленно осведомился Григорий. — Я весь нетерпение.

Лионелла тронула пальцами перламутровый фермуар своей сумочки, исполнив беззвучное арпеджио:



— Марлен Дитрих сказала: «Я пережила две мировых войны, так неужели меня остановит какой-то перелом?»

— Bravo! — Григорий захлопал в ладоши, призывая остальных присоединиться. — Bravo! Безоговорочная победа и лавры победителя трем изумительным красавицам. Но, боже мой, — он вновь заговорил с Лионеллой, — вы абсолютно точно воспроизвели слова Марлен Дитрих. Все выглядит так, как будто вы подготовились.

— Это случайность, — чуть слышно проговорила та и спросила: — Не перебраться ли нам всем на открытую веранду? Жара спала, и там теперь хорошо.

— Не смею возражать. Что касается меня, то я удаляюсь. — Григорий обращался ко всем присутствующим — дюжине хорошо одетых людей. — Игра окончена, и весь этот вечер мне было совершенно замечательно с вами. Я буду по вам скучать!

Одновременно с тем, как он договорил последнюю фразу, задвигались стулья, и участники игры начали перетекать на открытую веранду ресторана.

Несколько человек обступили Григория.

— Это было незабываемо, — сказала дама неопределенного возраста со следами подтяжек на когда-то красивом лице. Ее сухую жилистую шею отягощало массивное ожерелье марки «Картъе» из розового золота с бриллиантами. — Планируете еще одну встречу?

— Мой драгоценный друг, знайте, что я всецело принадлежу вам! — Григорий изъяснялся несколько экзальтированно, однако по его внимательному, холодному взгляду было понятно, что это всего лишь галантность.

— И все-таки?



— Лишь только найду свободное время, и мои помощники тотчас вас известят. — Он вытащил оранжевый платок с вышитым вензелем и вытер вспотевший лоб. — Весьма печально, что не все собрались...

— Вы про Ольшанского?

— Кажется, он должен был сидеть за вторым столом.

— Я видела его.

— Неужели?

— Он говорил с портье.

Григорий поднял брови и заинтересованно склонил голову набок:

— В нашей гостинице?

— Да-да, это было в фойе.

— Отчего же он не пришел на игру?

— Откуда мне знать... — сказала дама в «Картье».

Тем временем на открытую веранду переместилась большая часть участников игры. Катерина, Марго и Лионелла расположились в плетеных креслах и, потягивая сухое вино, делились впечатлениями.

— Вы заметили? За вторым столиком были двое: Милена, жена Полторацкого, и Калмыкова с Первого канала, — сказала та, что была в голубом — ее звали Катерина.

— Третий — Кира Ольшанский, — ответила Лионелла. — Но он не пришел.

В разговор вмешалась Марго:

— Слышала, в последнее время Кирилл много пьет.

— Ольшанский всем должен денег. Как говорит мой муж: это — плохая тенденция. — Катерина расправила шлейф плиссированной юбки. — Уму непостижимо, как можно было промотать такое наследство.



Лионелла расщелкнула сумочку, достала янтарный мундштук и вставила в него длинную сигаретку. Ее тонкие пальцы двигались чуть замедленно, движения были вычурными и одновременно простыми. Она закурила и проговорила между затяжками:

— Все дело в том... Что наследство досталось ему слишком легко.

— Сколько Ольшанскому лет? — поинтересовалась Марго.

— Около сорока, — ответила Лионелла.

— Нужно заметить, что он — красавчик. То есть я хотела сказать — стильный мужик.

— На любителя, — поморщилась Катерина и, проводив взглядом какую-то пару, заметила: — Не понимаю, для чего богатые мужики женятся на страшеньких.

— Чтобы родилась такая же страшная дочь, и кто-то женится на ней по расчету, — сказала Лионелла и нехотя обронила: — Полнейший вздор... Зачем искать изъяны там, где их нет?

— Ты про Кирилла?

— Нет. Я про тебя. Никто не виноват, дорогая, что твой муж так нехорош собой.

— Ты... ты... — Катерина нервно задышала и подняла глаза к небу, пытаясь унять подступившие слезы.

— У тебя сейчас тушь потечет... — сказала Марго.

Лионелла потушила сигарету и спрятала мундштук в сумочку.

— Не терплю глупость. Это выводит меня из себя. — Она встала с кресла. — Хочешь быть стервой — учись. В противном случае лучше сменить ампула. Приятной вам ночи. Я, пожалуй, пойду к себе в номер.



Лифт был занят, и Лионелла поднялась на третий этаж по лестнице. Была полночь, и коридор, устланный ковровой дорожкой, был пуст.

Она бесшумно дошагала до двери, отомкнула ее ключом и вошла в номер. Включив свет, повела носом, уловила незнакомый запах, склонилась, чтобы расстегнуть ремешки туфель, но вместо этого подобрала с ковра зеленую стеклярусную трубочку.

В нескольких сантиметрах от первой лежала вторая, чуть дальше — третья. Последнюю стекляшку Лионелла обнаружила у двери смежного номера. Немного помедлив, она прошла в спальню, открыла шкаф и передернула вешалки, на которых висела одежда. Не обнаружив того, что искала, Лионелла повторила все в обратном порядке, но результат оказался тем же: гипюрового платья, расшитого зеленым стеклярусом, в шкафу не было. Конечно, она могла бы забыть его дома, в Москве, если бы не купила только вчера, когда приехала в Питер.

Лионелла подошла к телефону, взяла трубку и дождалась, когда ответит портье. Но, когда тот ответил, в голову пришла идея получше, не реализовать которую она не могла из-за врожденного любопытства.

— Простите, — сказала Лионелла и нажала отбой.

Спустя мгновение она уже стояла у двери, ведущей в соседний номер, взялась за ручку, и дверь вдруг распахнулась. Радость подтвердившейся догадки испортило удивление: несколько часов назад, уходя на игру, она торкнулась в эту дверь, и та была заперта.

На этот раз Лионелле было что рассказать портье. Она позвонила на ресепшен:

— Прошу зайти в триста двенадцатый.



— У вас что-то случилось? — поинтересовался портье.

— Когда придете — увидите, — ответила Лионелла.

Решив сначала дожидаться портье, она все же не выдержала и вторглась в соседний номер. Смириться с банальным воровством в дорогом отеле она не могла.

В прихожей Лионелла услышала звук льющейся воды, доносившийся из ванной. Потом увидела на полу зеленый стеклярус. Следуя от фрагмента к фрагменту, добралась до двери спальни и приоткрыла ее. Там, в разобранной постели, лежал молодой мужчина, одетый в ее зеленое платье...

— Черт бы вас побрал! — воскликнула Лионелла, но тут же услышала за спиной:

— Извольте объяснить! Зачем вы пришли?

Обернувшись, она увидела Григория, который в чем мать родила стоял посреди гостиной.

— Это лучше вам объяснить, зачем ваш приятель украл у меня платье.

— Да вы рехнулись, голубушка... Или употребили наркотик?

В комнату заглянул портье:

— Дверь была открыта, я услышал громкие голоса. Что здесь случилось?

Лионелла вытянула руку и указала на голого Григория, потом на дверь спальни:

— Его друг стащил из моего номера платье!

Портье вежливо отвел глаза от Григория.

— Думаю, вам лучше одеться.

— Спасибо, что нашли время зайти... — Григорий прикрылся полотенцем, отвесил полупоклон и метнул в Лионеллу остро заточенный, внимательный взгляд: — Простите, что не в цилиндре. Поскольку я в своем номере и намере-



вался пойти спать, смею поинтересоваться: о каком друге вы говорите?

— Не будем терять время. — Не утруждаясь ответом, Лионелла толкнула дверь и первой вошла в спальню.

За ней в комнату проследовал Григорий, последним — портье.

— Надеюсь, платье — только предлог, чтобы попасть ко мне в номер, — начал Григорий, но, заметив в своей постели одетого в платье мужчину, осекся.

— Кто это? — растерянно произнес он.

Портье приблизился к незнакомцу и тронул за руку, затем повернул его голову, и все увидели круглое отверстие на лбу и кровавое пятно на подушке.

— Мертв...

— Да нет же... — Григорий приблизился к трупу. — Когда я уходил, его здесь не было!

— Не будем терять время, — повторила Лионелла и приказала портье: — Немедленно вызывайте полицию.

ГЛАВА 1

ПОЛУПРАВДА

Григорий Шмельцов не находил себе места. Физически он сидел в кресле, но его руки переживали свою, отдельную жизнь. На письменном столе управляющего не осталось ни одного предмета, не побывавшего в руках Шмельцова.

— Незачем вам так волноваться, — сказал толстошейей следователь без возраста, какими бывают крупные мужчины с резкими чертами лица. Особенный, упрямый постав головы придавал ему решительный вид.

— Не трудитесь... — Шмельцов с тоской оглядел кабинет. — Мне хорошо известно: что бы я ни сказал, вы все пересобачите по-своему.

— Как вы сказали? — спросил толстошейей.

— Пересобачите.

— Ну, это как вам будет угодно...

— Что?

— Думайте, говорю, как хотите. — Следователь забрал из рук Шмельцова тяжелое пресс-папье. — Оставьте его в покое. Мы здесь в гостях. Управляющий отеля на время предоставил нам свой кабинет.

— Я все понимаю. Слава богу, не дурак... — обиженно проговорил Шмельцов.

Следователь придвинул к нему заполненный бланк протокола:



- Ознакомьтесь и распишитесь.
- У вас нет очков?
- Нет.
- Черт знает что!
- Это претензия? — следователь недовольно повел головой. — Свои нужно иметь.
- Я не рассчитывал, что этой ночью мне придется подписывать протокол.
- Кто-нибудь! — зычно рявкнул толстошей. — Очки принесите!
- В кабинет заглянул полицейский:
- У криминалистов есть лупа.
- Давайте!
- Шмельцов подали лупу, и он стал придирчиво изучать протокол. Прочитав, постучал ногтем по бумаге:
- Вот здесь...
- Что?
- Я сказал, что, вернувшись в номер, сразу прошел в ванную.
- Ну? — склонив голову, следователь исподлобья глядел на Шмельцова.
- А вы написали: «почти сразу».
- По-вашему, это меняет дело?
- В моем положении важна каждая мелочь.
- Следователь вычеркнул слово «почти».
- Подписывайте.
- Надеюсь, вы понимаете, что не я убил того человека. Я даже не знал его, боже мой!
- Тогда как он оказался в вашей постели?
- Опять двадцать пять! Я не зна-а-аю! — Шмельцов нервически схватил подставку для ручек, но толстошей



отобрал ее и установил на противоположный край письменного стола.

— Давайте заканчивать.

— Но что будет со мной?

— Пока оставайтесь в отеле.

— В этом же номере? — Шмельцов вскинул руки, как будто ощутил внутренний толчок, готовый превратиться в истерику: — Нет уж, избавьте!

— Можете переехать в другой номер. Я разрешаю. Пишите, — чтобы подтолкнуть допрос к завершению, следователь стал диктовать: — «С моих слов записано верно, мною прочитано...»

Чуть помедлив, Шмельцов начертил стандартную фразу, поставил роспись и устало откинулся в кресле.

— Теперь могу удалиться?

— Можете, — кивнул следователь. — Не забывайте, что вы под подпиской и должны оставаться здесь.

— Не нужно десять раз повторять. — Шмельцов встал и направился к выходу.

Однако когда он приблизился к двери, та распахнулась и на пороге появилась Лионелла.

— За мной прислали полицейского.

— Баландовская? Из триста двенадцатого? — Следователь сдвинул манжету и взглянул на часы: — Уже три... — Затем поднял глаза и помахал Шмельцову рукой: — А вы ступайте, ступайте...

Лионелла чуть отстранилась, чтобы пропустить Шмельцова, и тот, проходя, тихо заметил:

— Свежа, как утренняя роза...

Но уже через мгновение следователь предъявил ей реальность:



— Садитесь, Баландовская!

Она опустилаась в кресло, где только что сидел Шмельцов.

Глядя на Лионеллу, такую невозмутимую и холеную, невозможно было представить, что, собираясь, она долго выбирала подходящий наряд. Остановившись на строгой юбке, надела белую блузку с массивным кружевом «ришелье». Приколола под воротник бриллиантовую брошь, но тут же сняла, решив, что с брошью ее образ не будет соответствовать заявленным обстоятельствам.

Она — свидетель преступления, а значит — ничего лишнего. Волосы заколола в строгий, но элегантный пучок, помаду выбрала бледную, телесного цвета. Что еще?.. Ах да! Тонкие колготки (не идти же к следователю с голыми ногами). Туфли-лодочки — пудрового модного цвета на небольшом каблучке.

Лионелла не терпела дурновкусия и женской несобранности.

Следователь вытащил из папки незаполненный бланк, бросил его на стол и припечатал тяжелой волосатой рукой.

— Приступим... — Он взял ручку и сделал несколько пробных штрихов. — Не пишет!

— Думаю, управляющий отеля не будет в претензии, если вы позаимствуете одну из его ручек, — подсказала Лионелла.

— Так и сделаем, — толстошей взял хозяйскую ручку. — Ваше полное имя...

— Лионелла Павловна Баландовская.

— О как!

— Вас что-то смутило? — она шевельнула бровью, и следователь почувствовал опасное напряжение.

— Нет, ничего. Что касается меня, все значительно проще: Фирсов Егор Петрович, следователь по особо важным



делам Следственного управления по городу Санкт-Петербургу. — Представившись, Фирсов записал ее имя и снова спросил: — Где проживаете?

— В деревне, но прописана в городе. — Лионелла ни на минуту не теряла осанки и, говоря, чуть-чуть наклоняла голову, отдавая должное статусу собеседника.

Тот спросил:

— Адрес?

— Москва, Мансуровский переулок...

Он снова записал и уточнил:

— Фактический адрес проживания, говорите, в деревне?

— Деревня Барвиха, сто тридцать шесть.

— Улица?

— Без улицы. У наших домов — только номера.

— Скупое, но время экономит... Образование?

— Как у всех — высшее.

Фирсов наморщил лоб:

— Не понял. Что значит, как у всех?

— Как у всех нормальных людей.

— Значит, у кого не высшее, тот ненормальный?

— Не нужно утрировать. — Намереваясь поправить прическу, Лионелла вдруг замерла в неловкой, насильственной позе. — Я не это имела в виду.

— Не важно. — Фирсов записал «высшее» и продолжил: — Идем дальше... Кто вы по профессии?

— Я — богатая женщина.

— Хорошая профессия... Пишем — домохозяйка.

— Это — остроумно, — она улыбнулась.

— Теперь расскажите все, что видели этой ночью.

— С какого момента?

— С того, как возвратились в свой номер.